

Artificial societies. 2013-2020

ISSN 2077-5180

URL - <http://artsoc.jes.su>

All right reserved

Issue 4 Volume 14. 2019

Power in network society realities

N. Ravochkin

*Kuzbass State Agricultural Academy
Russian Federation, Kemerovo*

Abstract

The article discusses the topic of power in one of the many options for modern models of society - "network society". An attempt is made to comprehensively define the "network". The essential features of this type of explanation of the current level of world development and structure are examined and identified. It is noted that at present the network as a variant of intersubjective interaction sets greater potential for social transformations. Transformations of politics and law as the basis of power are presented. The strength of the "weak ties" is explained. It is shown how modern technologies are used in the struggle for power activities.

Keywords list (en): power, network, network society, politics, law, information, ideas, modernity

Date of publication: 19.12.2019

Citation link:

Ravochkin N. Power in network society realities // Artificial societies. 2019. V. 14. Issue 4 [Electronic resource]. Access for registered users. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800007429-0-1/> (circulation date: 28.09.2020). DOI: 10.18254/S207751800007429-0

1 Новые витки научного прогресса не могут обойти стороной пополнение проблематики современной социально-философской мысли. Многовекторность динамики происходящих в обществе процессов однажды актуализировала вопросы о формировании постиндустриального общества, вариантами которого в различных интерпретациях выступают «общество второго Модерна», «общество риска», «общество знаний», «(пост)информационное общество», «сетевое общество» и т.д. Причинами возникновения такого количества концепций, помимо собственно «научной составляющей», можно считать нелинейность и усложнение мира вообще, что можно проиллюстрировать цитатой А.Г. Чернышова:

«Современный мир все более глобализируется и движется к своему новому историческому рубежу. Прежняя политическая и социальная система меняется у нас на глазах. Быстрота данных процессов ведет к тому, что априори возрастает фактор неопределенности, стихийности и нестабильности общественного развития. Поиск новых параметров общества, да еще и в глобальном общепланетарном масштабе, сопряженный со столкновением общечеловеческих принципов жизнедеятельности, с одной стороны, и национальных, религиозных, социальных, технологических интересов, с другой, приобретает особую остроту. Вновь возникающие проблемы требуют своего разрешения с учетом разных вариантов их дальнейшего транзита» [16, с. 75]. Все это приводит к возникновению неопределенности на определенном этапе исторического развития и уже становится не совсем ясно, где провести границу наступления нового общества и каков его действительный образ. Современный социум предлагает синергию человеческой деятельности практически во всех ее сферах, где знания, интеллект и информация становятся главными источниками власти и успеха, а от их приложения к ресурсам зависит новый миропорядок и поиск баланса сил.

2 Вместе с технико-технологическим развитием формируются новые вызовы, связанные с трудностями понимания и ориентирования в аксиосфере нашего времени. Простых ответов по поводу преодоления данных проблем нет. Действительно, достаточно сложно определить, насколько, например, опасна возможность бесконтрольного распространения непроверенной информации и/или вплетение в определенную сферу преднамеренно искаженных идей, как и исключение из цифрового пространства традиционных до недавнего времени когнитивных стратегий, что оставляет не у дел прежде всего страны «периферии» [19].

3 Однако вне зависимости от того, какой категорией обозначать современное общество, допуская право на замену в моделях так называемой «ведущей детерминанты», стоит констатировать возрастающее в геометрической прогрессии количество социальных связей. Прежде чем обратиться к изучению роли связей применительно к разрабатываемой нами тематике трансформаций власти и политико-правового институционального обеспечения социального порядка, имеет смысл указать, что любые связи устанавливаются субъектами. Такова суть субстанционального подхода, который сосредоточен на индивидах, гораздо реже – на малых группах, как основных элементах, участвующих в образовании социальных связей. Тем не менее, обращение к данному подходу считается не совсем оправданным, а в какой-то степени и неприемлемым, поскольку он не позволяет дать адекватное объяснение всему множеству процессов, реализуемых в социуме. Усложнение жизни приводит к более сложным формам возникновения отношений, ответом на изучение которых становится собственно «сетевой подход», где главным субъектом, соответственно, выступает «сеть».

4 Для прояснения сущности «сети» воспользуемся отрывком из работы Капельса, отмечающего, что «первый раз в истории базовая единица не есть субъект, будь он индивидуальным (таким, как предприниматель или предпринимательская семья) или коллективным (таким, как класс капиталистов, корпорация, государство). единица есть сеть, составленная из разнообразного множества субъектов и организаций, непрерывно модифицируемых по мере того, как сети приспособляются к поддерживающим их средам и рыночным структурам» [5]. Под сетью также можно понимать систему «особых открытых структур, ячеек и узлов, способных на основе коммуникаций к неограниченному расширению в рамках данной сети путем использования аналогичного коммуникативного кода. Сеть обладает гибкостью, адаптированностью, эволюционной сущностью. Она моделирует главное свойство мозга – способность к самообучению» [12, с. 64]. Делая попытку предоставить наиболее полное определение «сети», следует добавить сюда мнение А.С. Соколовой, понимающей под сетью «систему связей между элементами одного целого, где элементы являются узлами, а целое – системой. Сети являются сложным способом организации живых

систем, в которых наименьшее количество звеньев равно трем, а наименьшее число связей – двум. Единая связь двух звеньев образует отношения. Таким образом, индивиды как элементы общественных отношений образуют узлы, а общество – систему» [13, с. 235]. Примером перехода от субстанциализма к сети можно наблюдать, например, в сфере культуры. По причине огромного количества субъектов в сети дух современного социума не является какой-либо принципиально новой культурой «в виде целостной системы ценностей или совокупности институтов, а составлен из множества культур и ценностей и представляет скорее многоликую виртуальную культуру, учитывающую опыт успехов и неудач прошлого, поступающий в киберпространство» [14, с. 12]. Базовые ценности традиционного капиталистического общества утрачиваются, что приводит к необходимости восполнения образовавшихся пустот новыми аксиологическими основаниями. Актуализируются новые значимости, прививаемые телевидением, поскольку оно «обеспечивает трансляцию культурных ценностей в форме, удобной для подражания, поставляя культурные образцы поведения» [14, с. 12].

5 Общепринятым считается, что М. Кастельс относится к теоретикам «информационного общества», что для нашей тематики означает следующее: генерирование, обработка и передача информационных потоков являются фундаментальными источниками власти. Тем не менее, реализация обозначенных процессов и властных функций, в соответствии с мнениями широкого круга исследователей и результатами наших уже вышедших в свет работ, все же осуществляется по принципу сетей. Таким образом, справедливо полагать, что Кастельса можно отнести к доктринерам сетевой концепции.

6 Децентрализация современного социума происходит за счет «автономных образований», определяемых как «узлы». Мы видим, что общество как структура перестает быть зависимым от конкретных социальных субъектов, в соответствии с чем, элементы не определяют сущность системы. Именно сеть выступает теперь как система и уже сама становится определяющим элементом, основанием для всех субъектов, к которым традиционно относятся люди, социальные группы, различные классы и даже целые страты.

7 Можно согласиться, что логика развертывания положений сетевого подхода способствует генезису «социальной детерминанты более высокого уровня, нежели конкретные интересы, находящие свое выражение путем формирования подобных сетей» [6, с. 495]. Такое видение в очередной раз подтверждает определенные функциональные ограничения субстанциональной позиции, по которой реализуется лишь некоторые интересы социальных акторов. Претензия сетевого общества на раскрытие полного функционала определяет «доминирование социальной морфологии над социальным действием» в качестве его сущностной характеристики [5]. Речь идет не только об отдельном человеке, но также и обо всех остальных субъектах. Деятельностный подход заменяется системным, что делает индивидуальную деятельность менее эффективной, нежели та, в которой участвует вся сеть. Таким образом, включенность субъектов с их потенциалом в те или иные разновидности intersубъективных связей, в нашем случае – в деятельность по продуцированию идей – позволяет сделать вывод о синергетическом характере потенциала данной системы за счет «подключения» к конкретной сети определенных интеллектуальных возможностей [18].

8 Отличие сетевых обществ от традиционных капиталистических, главным образом, заключается в глубинной трансформации всех ключевых процессов под влиянием информационной парадигмы и сопряженности с глобальным социумом: общепланетарным богатством, странами, обладающими властью и задающими логику мирового развития символов. На наш взгляд, политика и право в сетевом обществе приобретают следующие черты:

9 • социальное бытие современности по принципу «ради денег и впечатлений»

определяет появление для политико-правовой сферы участия в «производстве товаров, услуг и шоу»;

- развитие техники и технологий переводит политические и правовые взаимодействия в электронное поле, что не просто повышает публичность, но и делает их доступными для участия вне зависимости от географической локализации, временных рамок и даже роли, которую может занять тот или иной субъект. В сочетании с первой сущностной характеристикой это приводит к увеличению количества новых возможностей и инструментов, прежде всего, для диалогов, дискуссий, информирования, консолидации и манипуляций, которые происходят в рамках конструируемых одной или нескольких групп; (По этим двум пунктам следует отметить, что увеличение количество участников политико-правовых взаимодействий позволяет расширить число «актеров влияния». Даже если они не участвуют в политике напрямую посредством социальных сетей, блогов и различных сервисов, они ускоряют процессы распространения актуальной для своих ин- и референтных групп информации, тем самым формируя общественное мнение и координируя принятие определенных решений.)
- трансформация экономики требует появления новых профессионалов и обуславливает выбывание с рынка невостребованных специалистов в политико-правовой сфере. Причем в данном случае речь идет о том, что, к примеру, индустриальное общество еще предполагает прикрепление человека к конкретному рабочему месту, а обозначенный технико-технологический прогресс и сетевая структура актуализируют не простое формирование новых компетенций, но и, как правило, неформальную и множественную занятость;
- смена аксиологических основания транслируемых идей в связи с изменениями привычной социальной стратификации и, как следствие, социального порядка, в поддержании которого ведущая роль отводится политико-правовым институтам. Функционирование институтов сопрягается с открытыми структурами, появлением комплекса узлов в различных сетевых, в том числе новых – мультинациональных, взаимосвязях [8].

10 Политико-правовые трансформации в условиях сетевого социума приводят к переходу от «вертикальных бюрократий» к «горизонтальным корпорациям», категоризируемых как «динамическая и стратегически спланированная сеть самопрограммирующихся и самоуправляющихся единиц, основанная на децентрализации участия и координации» [5]. Осуществленный переход к «мультинациональному» в значительной степени сказывается на эффективности политико-правовых институтов за счет «доминирования слабых связей» [2; 11]. Применительно к последнему М. Грановеттер указывает на скорость распространения информации, поскольку «слабые связи», по убеждению М.Ю. Павлютенковой представляют собой нечто вроде бесконечного моста [3; 10]. На наш взгляд, это «доминирование» идет из-за расширения адресатов и географии передачи информации через людей, включенных в распределенную в мировом пространстве «сеть», которые, в основном, малознакомы либо вовсе не знакомы между собой, что и увеличивает скорость ее диффузии и возможности интерпретации, задавая и определяя реалии политико-правового институционального функционирования.

11 На основании отмеченных изменений оснований современного общества в нем формируются принципиально новые политико-правовые отношения. Если еще в индустриальном обществе властные полномочия формировались вокруг государства под давлением демократических движений и классовой борьбы, то в сетевом обществе «происходит замещение политической легитимности коммуникативной настройкой общественного мнения в сетевом обществе» [7]. Власть теперь воспринимается в качестве

структурной способности и потенциала одного актора навязывать свою волю другим. Такое понимание, с нашей точки зрения, является максимально широким и в духе времени отражает отсутствие четко выраженного, институционализованного субъекта, который бы стал источником государственной власти в традиционном смысле этого слова. При этом способность социальных акторов сопротивляться давлению институционализованной власти уже можно определить как «контрвласть». Реализация взаимодействия «власти» и «контрвласти» осуществляется в условиях набора тенденций:

- 12 • доминирование политики масс-медиа и очаговое проявление кризисов привычной легитимности режимов в мире;
- определение фундаментальной роли новым средствам массовой информации и способам и формам коммуникации в производстве культуры;
- использование того или иного количества каналов коммуникации в зависимости от характера отношений власти и контрвласти [7].

13 Медиаресурсы и СМИ становятся средствами трансляции политических и правовых полномочий, поэтому существенной проблемой становится не способность формирования массового мнения, а отсутствие соответствующего контента для его формирования. Это является практическим проявлением технической составляющей, которая вплетается в основание, приобретая фундаментальный характер технологии реализации властных полномочий. Власть, основанная на новых медиа, одновременно реализует стратегии обезличивания масс и персонификации, что проявляется в конструировании образов посредством белого или черного PR, восприятие которых позволяет достигнуть того или иного прагматического эффекта [17]. Параллельно с этим, контрвласть посредством политических протестов с применением Интернет-технологий активизирует нарастание оппозиционных настроений, получая возможности для более значимого присутствия в политико-правовой сфере государства, а также – возрастание шансов на принятие роли реальных субъектов власти и (при)обретение соответствующих полномочий.

14 Социальные сети, будучи комплексными структурами коммуникативного взаимодействия, конструируются «вокруг набора целей, которые одновременно обеспечивают единство цели и гибкость исполнения благодаря их способности адаптироваться к операционной среде. Они запрограммированы и самонастраиваемы в одно и то же время» [4, с. 38]. Кроме этого, социальные структуры «освоили» сеть, а власть приобрела признак сетесозидания, а также способности доминировать над деятельностью людей извне [15, с. 24]. В качестве практического применения сетевой концепции можно обратиться к опыту разработки Конституции Исландии [1], формирование которой происходило через социальные сети и хостинги (Фейсбук, Твиттер и даже Ютуб), в результате чего окончательный вариант текста обозначенного нормативного правового акта был одобрен и, тем самым, принят на референдуме.

15 Некоторые исследователи полагают, что в политической борьбе нередко используются блоги и аккаунты. Существует несколько тенденций их использования:

- 16 1. ведение блогов от имени отдельных политических и правовых субъектов для информирования, консолидации сторонников и координации их действий. В отличие от традиционных СМИ, блоги, как и аккаунты на различных сервисах («новые медиа»), можно считать более полезным и эффективным инструментом для участия в политико-правовых процессах;
2. пропаганда и «обкатка» идей;
3. контрпропаганда, борьба против оппонентов, позволяющая использовать разные приемы борьбы, «которые применяются в традиционных СМИ (сатира, компромат,

дезинформация, переключение внимания, психологическое давление на оппонентов и.т.д.)» [9, с. 291].

17 Итак, мы показали, что взаимодействия в современном обществе реализуются по принципу сетевой структуры. Трансформация социальной структуры приводит к изменениям в осуществлении властных практик. Политическая и правовая мощь субъектов сегодня могут быть определены через уже отмеченную структурную способность актора. Властные полномочия переходят из области непосредственного «внешнего» принуждения в сферу поведения и социальных практик. Власть и противостоящая ей контрвласть, занимающие противоположные позиции, используют различные технические средства для формирования необходимого прагматически окрашенного образа конкретного актора.

References:

1. Avzalova Eh.I. Sovremennaya diskussiya o roli interneta v politike // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2014, T. 156, Kn.1. S. 208 – 213.
2. Gapich A.Eh., Lushnikov D.A. Tekhnologii «tsvetnykh revolyutsij». // М.: RIOR, 2010. – 132 s.
3. Granovetter M. Sila slabykh svyazey (perevod Z. V. Kotel'nikovoj) // Ehkonomicheskaya sotsiologiya. 2009, T. 10, № 4. S. 31-50.
4. Kastel's M. Vlast' kommunikatsii. // М.: Vysshaya Shkola Ehkonomiki, 2016. 565 s.
5. Kastel's M. Informatsionnaya ehpokha: ehkonomika, obschestvo, kul'tura URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/intro.php
6. Kastel's M. Moguschestvo samobytnosti. Stanovlenie obschestva setevykh struktur // Novaya postindustrial'naya volna na Zapade: antologiya / red. V.L. Inozemtsev. М., 1999. S. 494-505.
7. Kastel's M. Kommunikatsiya, vlast' i kontrvlast' v setevom obschestve URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/m-kastels-kommunikatsiya-vlast-i-kontrvlast-v-setevom-obschestve>
8. Kozlova V.A. Chelovek i ehkonomika v filosofii M. Kastel'sa // Diskussiya. 2014, №4 (45). S. 12-16.
9. Krestinina E.S., Chernyshov Yu.G. Ispol'zovanie internet-blogov i «sotsial'nykh setej» v rossijskoj publichnoy politike // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008, №4-3 (60). S. 288-296.
10. Pavlyutenkova M. Yu. Rol' i mesto sotsial'nykh setej v publichnoy politike // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Politologiya. 2015, № 3. S. 71-81.
11. Sila slabykh svyazey, ili pochemu sosed po lestnichnoj kletke inogda vazhnee luchshego druga URL: <https://staff-capital.com/ru/articles/syla-slabkyh-zvjazkiv.html>
12. Skibitskij M.M. Informatsionnaya ehpokha i novaya ehkonomika v trudakh Manuehlya Kastel'sa // Mir novoj ehkonomiki. 2015, №4. S. 62-68.
13. Sokolova A.S. Kontsepsiya setevogo obschestva v ramkakh tsivilizatsionnogo podkhoda // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2015, T. 2, № 4. S. 234-242.

14. Stepanova I.S. Determinatsiya sotsial'nogo povedeniya v obschestve setevykh struktur (kontseptsiya M. Kastel'sa) // Obschestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2016, №12. S. 10-14.
15. Terent'eva I.N. Setevye kommunikatsii: novaya real'nost' upravleniya // Vestnik NGTU im. R.E. Alekseeva. 2016, №4. S. 23-27.
16. Chernyshov A.G. Sovremennoe rossijskoe obschestvo v poiskakh ideologii razvitiya i ehliny // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya. 2012, T. 12, № 2. S. 75-79.
17. Chukurov A.Yu. Manuehl' Kastel's: politika vs nauka // Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury. 2017, №2 (27). S. 208-213.
18. Ravochkin N. Role of philosophical ideas for political and legal institutions // Proceedings of the 1st International Scientific Practical Conference «The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment» (ISMGE 2019). DOI: <https://doi.org/10.2991/ismge-19.2019.113>
19. Wallerstein I., Terence H. The Age of Transition: Trajectory of the World-System, 1945-2025. // Zed Books, 1996. 256 p.

Власть в реалиях сетевого общества

Равочкин Н. Н.

*Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия
Российская Федерация, Кемерово*

Аннотация

В статье рассматривается тематика власти в одном из множества вариантов современных моделей социума – «сетевом обществе». Представлена попытка всестороннего дефинирования «сети». Рассмотрены и выявлены сущностные черты рассматриваемого типа объяснения сегодняшнего уровня мирового развития и устройства. Отмечается, что в настоящее время сеть как вариант интересубъективного взаимодействия задает больший потенциал для социальных преобразований. Представлены трансформации политики и права как основания власти. Объяснена сила «слабых связей». Показано, каким образом используются современные технологии в борьбе за властную деятельность.

Ключевые слова: власть, сеть, сетевое общество, политика, право, информация, идеи, современность

Дата публикации: 19.12.2019

Ссылка для цитирования:

Равочкин Н. Н. Власть в реалиях сетевого общества // Искусственные общества. 2019. Т. 14. Выпуск 4 [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800007429-0-1/> (дата обращения: 28.09.2020). DOI: 10.18254/S207751800007429-0